

А ВСЕХ ИХ БЫЛО ЧЕТВЕРО

В содержательном параграфе книги «Русский язык», посвященном «группе собирательно-разделительных имен числительных», В. В. Виноградов перечисляет структурные признаки, на основании которых эти слова следует отнести к категории числительных. Вторым из них признается «неспособность иметь в качестве определяющего слова имя прилагательное (кроме *весь*)» [Виноградов 1947: 309]. Эту мысль можно продолжить, несколько изменив ее: сочетание с местоименным прилагательным в форме *все* характерно для слов этого типа, причем для части слов можно предположить постепенное увеличение статистической значимости такого сочетания.

В строках Жуковского «**все четверо вместе**/ Дали одно обещанье» можно отметить избыточное подчеркивание совместности действия тех четырех лиц, к которым относится это выражение. Они не только обозначены как действующие все «*вместе*» (как в аналогичном сочетании «И *вместе трое все* в него впряглись» у Крылова). Их совместное действие состоит в том, что каждый из них дает то же обещанье, что и все остальные — это «одно» обещанье их объединяет¹. Но по самой природе этого действия оно должно совершаться каждым из них. Виноградов прав в общей оценке преимущественной собирательности русских форм. Но их разделительная (дистрибутивная) семантика чувствуется в данном случае благодаря значению глагольного оборота. Форма множественного числа глагола соответствует его количественной стороне, как и в следующем примере из Жуковского, где глагол обозначает одинаковое состояние каждого из субъектов: «Так сидели **все четверо**».

Говоря о сочетании таких собирательно-количественных слов главным образом с обозначениями лиц мужского рода, Виноградов (там же) приводит иллюстрацию из пушкинской «Пиковой дамы»: «У ней было четверо сыновей, в том числе и мой отец, **все четверо были** отчаянные игроки». В первой половине этой пушкинской фразы глагол бытия в притяжательной предложной конструкции У ней было употреблен в форме единственного числа среднего рода, тогда как во второй половине этого же предложения при предикативном использовании имени глагол-связка

¹ Из ранних примеров соотнесения собирательно-разделительных форм с понятием «одного» или противопоставления ему, кроме пословиц типа «**семеро одного не ждут**», можно отметить в поэзии XVIII в. у Ржевского: «Как! **четверо** в одну красавицу влюбилась?»

были использован во множественном числе, как и глаголы в приведенных примерах из Жуковского и Крылова. Пушкин в этой повести показывает особенности индивидуальной психологии отдельного отчаянного игрока. Но в приведенной фразе все братья отца говорящего объединяются этой вполне индивидуальной чертой. В другом месте Пушкин, как Жуковский и Крылов в приведенных примерах, еще одним дополнительным словом *вместе* подчеркивает общность совершаемого действия, обозначаемого множественным числом глагола: «**Все четверо** выходят *вместе*».

На протяжении второй половины XIX в. и в начале двадцатого это двусловное сочетание в русской поэтической речи встречается нередко, приближаясь к стилистическому штампу: «**Все четверо** обнялись» (Некрасов).

У Мережковского *все* использовано в постпозиции в безглагольном предложении: «Бедность, Чужбина, Нemoшь и Старость, **Четверо, четверо, все** вы со мной». Здесь при аллегорической персонификации отвлеченных понятий выступают четыре существительных *женского* рода, что является допустимым в поэтической речи нарушением той архаической закономерности литературного прозаического языка, которая отмечена Виноградовым² с оговоркой о возможном отклонении от нее в разговорном речевом жанре.

Шаламов с присущей ему тонкостью в использовании речевых клише сумел вернуть сочетанию исконное значение обозначения группы лиц (мужчин), занимающихся одинаковой деятельностью, благодаря искусному обыгрыванию его повторения в качестве приложения в комбинации с предшествующим местоимением «мы»: «мы, **все четверо**, *пришли* на ключ Дусканья, мы так радовались, что почти не говорили друг с другом. Мы, **все четверо**, *были* отлично *подготовлены* для путешествия в будущее — хоть в небесное, хоть в земное. Сообща *мы, все четверо*, *приняли* мудрое *решение*: варить два раза в день» (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)). В первом и третьем предложениях четверо путников (мужчин) объединяются единством совершаемых действий, во втором отмечено наличие у них одинаковых качеств. Из лагерной прозы близкого времени приведем также «руками близ печки водят **все четверо**» (Солженицын). В поколении прозаиков 1960-х годов выражение употребляется всё чаще: «**Все четверо** смотрели, как приближается автобус» (Аксёнов). У Войновича в следующем отрывке *все*

² Предположение о древности мужского рода основывается для славянских форм на сопоставлении с родственными литовскими. См. [Ivanov 2011 (in press)]. В отличие от исторически с ними связанных тохарских Б и от форм единственного числа в славянском, в литовском есть соответствующие формы женского рода типа *vienerios, ... devýnerios*. В литовском также образуются формы единственного числа исторического среднего рода: *ketveria, ... devýneria* [Stang 1966: 285]. При отсутствии родовых различий для Pluralia tantum в славянском не существует ограничения категорией лица: закономерны формы типа **четверо суток** [Виноградов 1947: 310]. Словосложения типа **четвероногое** скорее всего разъясняются как книжные кальки и для истории родовой соотносительности форм не играют роли. Ими объясняется появление аномальных сочетаний типа «у которого четверо ножек» в современной детской речи.

повторяется неоднократно, но не непосредственно при собирательном числительном (оно получает другое определение — местоимение *эти*). Разделительный характер числительного (как нередко в современной прозе) раскрывается перечислением четырех конкретных персонажей с их характеристиками: «Из двенадцати сторону Иванько с самого начала активно держали **четверо**: сам Иванько, Турганов, Бунина и некий Кулешов, спортивный журналист и, между прочим, как говорят, сын Блока и баронессы Нолле... Надо учесть, что даже **эти четверо** тоже в какой-то степени считались с угрозами Иванько, **все** они писатели, **все** хотят печататься, поэтому вели они себя (и я им благодарен за это) принципиально, но осмотрительно». (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976); вхождение Буниной в это множество противоречит сформулированной Виноградовым архаической закономерности).

В Национальном корпусе русского языка приводятся такие случаи употребления выражения **все четверо** (обычно с глагольными формами множественного числа) у современных авторов: «Только ты пальнешь — и **все четверо** разбегутся в разные стороны» (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998—2004)); «**Все четверо**, по очереди» (Буйда) (уточнение «по очереди» подчеркивает разделительное значение формы); «При появлении оперативников **все четверо** прекратили бурное обсуждение какого-то вопроса» (Леонов, Макеев. Ментовская крыша (2004)); «они **все четверо** визжали и бесились» (Тронина); «**Все четверо** расхохотались» (Хаецкая); «**Все четверо** толстяков, ухмыляясь, стоят рядом с нами» (Гладов); «**Все четверо** погрузились в автомобиль» (Абарин (Совершенно секретно)); «**Все четверо** получили право играть в финале первенства»; «**Все четверо** не могли нарадоваться» (Глинка); «**Все четверо** были никак между собой не связаны» (Дорфман); «**все четверо** сразу решили меня пригласить к ним» (Лопато); «Мы собрались **все четверо**: Сергей, Михал Ефимыч, Марина Швыдкая, его жена, и я» (Нузов, Уфимцева) (характерное поименное перечисление всех элементов множества, где есть и одна женщина, опять-таки вопреки тенденции, описанной Виноградовым).

Хотя и в меньшем количестве сходные сочетания типа **все четверо** засвидетельствованы и в сочетаниях с другими собирательно-разделительными числительными: «Тут **все пятеро** кинулись в стороны» (Трифонов «Дом на набережной»); «**Все пятеро** “потерпевших”» (Андрей Андреев); «**все шестеро** были признаны виновными» (Амелин); «**все семеро**» (из газетной хроники); «И становятся **все восьмеро** в ряд» (Солженицын).

Об архаичности конструкций, в которых формы этого типа связываются с прилагательным *все*, свидетельствует найденный в 2007 г. при раскопках в Кремле текст 3-й Московской берестяной грамоты (отражающей древнерусский язык конца XIV в.) с несколькими такими словами, относящимися к числу коней (также и кобыл, что могло бы говорить против древности следования именно мужскому роду): **9: всехъ ездовныхъ девятеро 20+6 А всѣхъ ... л(о)шачко^е и кобы^и (и) жеребѣтъ отда^и - - - - - /о] щѣю посельского челоувѣ^к дваццатеро и шестеро.**

Цитированные древнерусские формы встретились именно в берестяной грамоте, описывающей конное хозяйство татарина, жившего в Московском Кремле. Хотя на употреблении числительных применительно к таким большим количествам, как 26³, могло сказаться и двуязычие и наличие аналогичных суффиксальных форм⁴ в родном татарском языке автора, тем не менее сочетание этих разделительно-собирательных слов с прилагательным *весь* представляется архаизмом берестяной грамоты.

В отличие от подавляющего большинства приведенных выше позднейших сочетаний с прилагательным *все* последнее в этом тексте имеет форму родительного падежа множественного числа. Из сходных конструкций в литературном русском языке первой половины XX в. отметим встречающуюся у Пастернака. При описании казни героя в финале его поэмы «Лейтенант Шмидт» сказано:

«Двум из осужденных, а *всех* их было **четверо**,
— Думалось еще — *из четырех двоим*».

Сочетание «их было **четверо**» в современном литературном русском языке вполне обычно. Приведем из современных авторов: «Было их **четверо**» (Гранин); «сколько же их было? их было **четверо**» (Маканин); «**Четверо** их было. Двое спереди и двое сзади. На соседней крыше стояла довольно странная компания — **четверо** человек» (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)). Аналогичные конструкции с другим собирательно-разделительным числительным: «Теперь их было **пятеро**» (Аксёнов, «Звездный билет»); «Их было **пятеро**» (переведенное на русский язык название фильма, который был в прокате в 60-х годах). Особенностью построения предложения у Пастернака является совмещение двух общепринятых конструкций: «их было **четверо**» и «**все четверо**». При их объединении прилагательное *все* получает такую же форму родительного падежа множественного числа, как и местоимение *их*.

В двух цитированных строках Пастернака используются противопоставления двух пар числительных — количественных (*двум, четырех*) и собирательно-разделительных (*двоим, четверо*). Когда речь идет о группе осужденных, используются лично-собирательные слова второго из этих двух типов: всего было *чет-*

³ В русском языке в отличие от других восточно-славянских, западно-славянских и юго-западно-славянских образование собирательно-разделительных числительных выше 10 допускается лишь в просторечии: [Супрун 1969: 83], см. о засвидетельствованных древнерусских формах [Schmalstieg 2005: 74]. Формы типа *восемнадцатеро*, согласно Виноградову [Виноградов 1947: 309], возможны как «новообразования в индивидуальной речи».

⁴ Типология суффиксальных форм разделительно-собирательных числительных в тюркских и других языках евразийского языкового союза в свете данных «Атласа структур языков мира» рассмотрена в статье [Ivanov 2011 (in press)]. Скопление однотипных форм рассматриваемого типа наблюдается и в современной речи, в Национальном корпусе есть последовательности — «Как **шестерых**? Вас же **четверо** братьев и сестра. — Да нет, нас было **пятеро** братьев»; «**четверо** из **девятерых** детей» и т. п.

веро заключенных и осужденных, из них *четырёх* после расстрела *двоих* оставалось еще *два*, эти *двое* еще могли продолжать думать, пока не пришел их час. Если эти множества заключенных только пересчитывают, используется количественное числительное. Стилистическое мастерство Пастернака сказалось в том, как в соотношении с личными собирательно-разделительными формами он использовал средний род единственного числа возвратного глагола: о *двоих* еще на короткое время оставшихся в живых говорится, что «*им* еще *думалось*». Каждый из них еще думает, это их общая черта.

Для пояснения особенностей этих личных форм собирательно-разделительных числительных в сравнении с формами неодушевленного неличного типа можно предложить сравнение этого отрывка из поэмы Пастернака с написанным сравнительно незадолго до того стихотворением Блока, отразившим его впечатления от поездки в Бретань. Блок рассказывает о неожиданном появлении эскадры:

...кильватерной колонной
 Вошли военные суда.
Четыре — серых...
 ...И вдруг — суда уплыли прочь.
 Нам было видно: **все четыре**
 Зарылись в океан и в ночь.

Оборот **все четыре** построен по типу рассмотренного выше **все четверо**. Виноградов, утверждавший (без оговорки, в случае собирательно-разделительного типа делаемой им по поводу прилагательного *весь*), что числительные счетные (количественные) отличаются «неспособностью сочетаться с прилагательным», говорит о «встречающемся в вульгарном просторечии» выражении «*все пять*», что в этом случае речь может идти о резком семантическом сдвиге при субстантивации числительного. По Виноградову, сочетание понимается как «все пять пальцев, рука» [Виноградов 1947: 291]. В цитированном стихотворении Блока числительное **четыре** от присоединения к нему определяющего определения **все** не субстантивировалось, оно сохраняет количественный характер, соотношенный и со значением формы множественного числа *суда*. Но при этом конструкция лишена характера обозначения индивидуального признака, общего у одной личности с другими. Все четыре судна в стихотворении — *серые*, они поэтому скорее должны сливаться вместе, чем разделяться. Противопоставление сочетаний «**все четыре**» у Блока и «**всех их было четверо**» у Пастернака основано на грамматикализованной оппозиции неличных и личных количественных форм.

Свойственное русскому языку (в отличие от многих других славянских и таких родственных славянским языкам индоевропейских, как тохарские) количественное ограничение собирательно-разделительных числительных такими числами, которые не превышают 10 (а часто и существенно меньше), приводит к своеобразному изменению значения этих форм: сочетание **все четверо** может означать и «всего (только) четыре» = «никак не больше, чем четыре». Такое контекстуальное значение приобретала фраза Мандельштама, переданная в мемуарах Э. Гер-

штейн: «В России пишут **четверо**: я, Пастернак, Ахматова и П. Васильев» (любопытно включение в эту группу и Ахматовой: грамматическое предпочтение форм мужского рода здесь не могло действовать, в этом контексте ее пол для Мандельштама не мог быть значимым, поэтому высказывание можно понять как оценивающее четверых поэтов только с точки зрения их литературной работы). Явно такое же значение имела форма *трое* в написанном ранее стихотворении Пастернака «Нас **мало**. Нас, может быть, **трое**», где ограничительный смысл собирательно-разделительного числительного подчеркнут словом *мало*.

Рассмотренные случаи представляют интерес и для обоснования точки зрения, согласно которой форма *все* обычно в конструкциях с существительными обозначает раздельное множество одинаковых исчисляемых предметов [Зализняк, Падучева 1974; Падучева 2004: 86]. В анализированных сочетаниях с собирательно-разделительными числительными форма *все* относится к исчисляемым лицам, которые вовлечены в одно и то же действие или обладают сходными признаками. Остается в силе утверждение об отличии этой формы от прилагательного *весь* в применении к обозначению совокупности. Это различие представляется важным для выработки той общей теории множеств в языке, основы которой были в свое время намечены А. А. Холодовичем.

Вяч. Вс. Иванов
Институт славяноведения РАН,
University of California, Los Angeles
ivanov@ucla.edu

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
- Зализняк, Падучева 1974 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода / Ред. Ю. А. Шрейдер. М.: ВИНТИ, 1974.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Супрун 1969 — Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1969.
- Ivanov 2011 (in press) — Ivanov V. V. Distributive numerals in Tocharian B and Balto-Slavic. 2011.
- Schmalstieg 2005 — Schmalstieg W. R. An Introduction to Old Russian // Journal of Indo-European Studies. Monograph number. 15. Washington (DC), 2005.
- Stang 1966 — Stang Chr. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966.